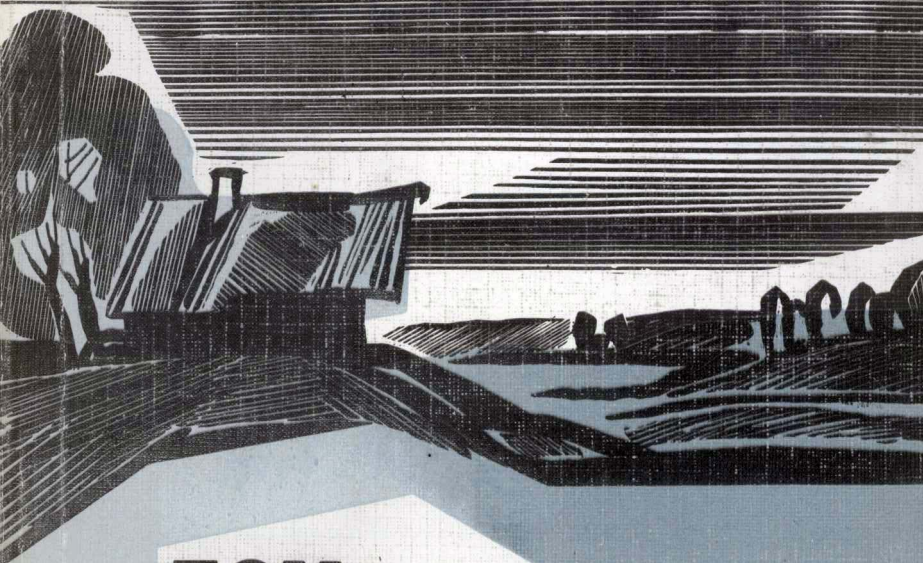

Геннадий Пациенко

**ДОМ
БЕЗ
СОСЕДЕЙ**

ГЕННАДИЙ БОРИСОВИЧ ПАЦИЕНКО

ДОМ БЕЗ СОСЕДЕЙ

М., «Советский писатель», 1986, 256 стр.
План выпуска 1986 г. № 105

Редактор *О. Г. Маркова*
Худож. редактор *Е. И. Балашева*
Техн. редактор *Г. В. Белькова*
Корректоры *С. З. Михайлина* и *Т. М. Павлюк*

ИБ № 5448

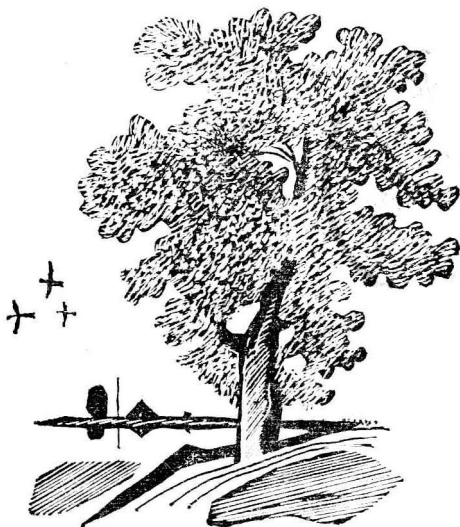
Сдано в набор 27.05.85. Подписано к печати 03.01.86. А 0330
Бумага кн.-журн. Литературная гарнитура. Высокая печат
Уч.-изд. л. 14,15. Тираж 30 000 экз. Заказ № 1176. Ц
Дружбы народов издательство «Советский писатель», 1210
ровского, 11. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинг
№ 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете
издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000,
Красная ул., 1/3.

Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 13,44.
90 коп. Ордена
Москва, ул. Во
дская типография
СССР по делам
енинград, центр,

Геннадий Пациенко

**ДОМ
БЕЗ
СОСЕДЕЙ**

**РАССКАЗЫ
ПОВЕСТИ**

МОСКВА * СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ * 1986

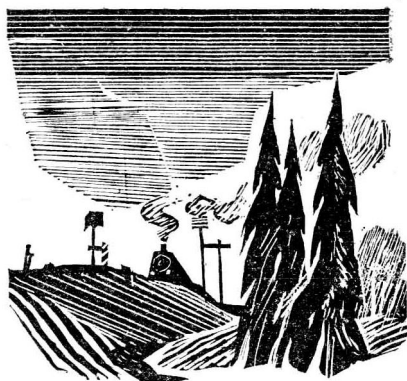
ББК 84.Р7
П 21

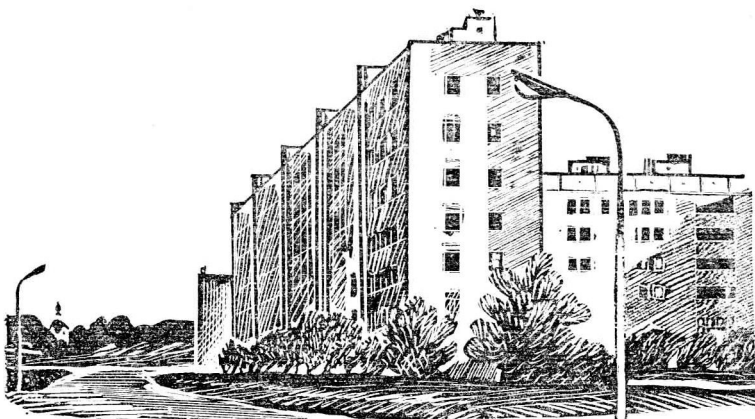
Художник Андрей Голицын

П $\frac{4762010200-004}{083(02)-86}$ 105—86

© Издательство
«Советский писатель», 1986 г.

РАССКАЗЫ

ПОБЫВКА

В конце лета я шел мимо снесенного дома моих деревенских соседей. Шел и остановился, увидев ярко цветущие в бурьяне красные мальвы. Соседский дом давно разобрали. Но осталась почему-то не разобранной печь, да уцелело возле нее дощатое, вверх перевернутое крыльцо. И возле печи и крыльца красовались, горели мальвы...

Без людей усадьба затравенела, отошла быстро под выгон. Печь же посреди усадьбы на удивление оставалась целой. И выглядела она как памятник, выкрашенный в белый цвет.

И странно смотрелась эта печь на зеленом непаханом огороде. Станным тут было не то, что она осталась, а то, что никто не прикоснулся, не тронул, не разломал ее. Когда-то оставленные без домов печи тут же разбирали на кирпичи; сейчас нужда в кирпичах отпала.

Летние дожди не смыли с нее побелку, время сохранило даже ступеньки, по которым взбирались греться на печь ребята и взрослые. Оставаясь целой, печь, казалось, готова была и сейчас приносить пользу. Затопи — и она все так же сварит, обогреет, высушит...

В таком же сиротстве, как и печь, стояли яблоневый сад, ветла на меже и три старые высокие березы, росшие некогда под окнами, выходящими на дорогу.

Никак не хотелось уходить от этого, давно не паханого никем, огорода, и я задержался на запущенной, заросшей усадьбе. И хотя усадьба была забытой, но не забывалось то, что некогда случилось здесь со мной. . .

* * *

Я служил в армии, и зимой меня отпустили домой на побывку. Те несколько дней, что провел я дома, как назло, дымили метели. Поля и дороги покрылись поземкой. В деревне ходили в тулупах и валенках. Один я разгуливал в кирзовых сапогах и щегольской, перекроенной перед отъездом шинельке. И было мне всех теплее: наконец-то я оказался дома, в родной деревне. . . Почти все мои сверстники, кто служил, побывали уже в отпусках. Теперь же приехал и я.

Отпуск мой тек без каких бы то ни было осложнений и приключений. Если что и огорчало, так это долгие, затянувшиеся метели. Неделью кряду не утихали они. Из-за них я не мог никуда пойти. С утра до вечера мятущийся белый дым заволакивал деревню и насыпал сугробы. С трудом удавалось сходить по воду, откопать дрова, принести сена стоявшим в хлеве овцам и корове.

До отъезда оставалось чуть больше суток, и я уже начал было сокрушаться, что по такой погоде мне и к станции не добраться. Но в конце последнего отпускного дня за окнами разом посветлело, повеселело, поугомонилось, и я понял, что метель хотя и не утихла, но все равно пошла на убыль, начала выдыхаться. Я тут же решил устроить в клубе прощальный вечер. Идею мою девчонки и парни одобрили. Однако главным, ради чего затевался предотъездный вечер, было желание встретить и проводить домой кого-нибудь из девчонок деревни. Я знал, что деревня с особым интересом и любопытством следила за тем, кого выберет отпускник, с кем пойдет после танцев. Про себя я решил, что о девушке, с которой пойду я, решительно никто знать не будет. На то я и солдат, чтоб уметь хранить тайну, оставить с носом чересчур любопытных.

Так рассуждал я, готовясь к прощальной вечеринке в колхозном клубе.

Я танцевал то с одной, то с другой девчонкой, и поэтому было не угадать — к чьему двору я сегодня направляюсь.

А не пойти провожать я не мог. Какой же отпуск, если солдат никого не проводил, не обнял, не поцеловал. . .

На последний танец я пригласил соседскую девчонку Галку и как бы между прочим сказал, что хорошо бы нам домой пойти вместе.

Галка согласилась без особого удивления: вместе так вместе, что в том плохого — дома рядом.

Мы вышли из клуба одновременно со всеми. Потом я задержался, чтобы Галка ушла вперед, подождал, пока удалятся остальные, и только тогда нагнал ее.

Ветер нес нам навстречу снег, предвещая скорую оттепель. Наши дома располагались на отшибе, разделенные выгоном и дорогой к ферме. Было за полночь, и деревня спала зимним мертвецким сном.

— Тебе туда, — показала Галка на мой дом.

Однако оставлять ее одну я не намеревался. Мне хотелось побыть с Галкой как можно дольше. Я уезжал завтра на заставу, и неизвестно, когда-то еще доведется побыть мне вдвоем с девчонкой. . .

— Заметет тебя или волк унесет, — пошутил я.

— Тут рядом. . . — неуверенно ответила Галка. — Как-нибудь доберусь.

Молча и незаметно приблизились мы к мостику через канаву между улицей и Галкиным домом. Шумели заснеженные березы, темнели напротив окна.

За плетнем в глубине огорода виднелись яблони, и между ними в снеговой шапке — стожок, где-то там, где сегодня увидел я красные мальвы.

Потоптавшись на дощатом переходе, мы направились в глубь двора и остановились там в зимнем затишьи — между хлевом и домом. Днем от стожка к хлеву носили сено, и в воздухе еще держался запах сухой летней травы. Голова хмельно кружилась от него после поездов, вокзалов, казарм и душного клуба. Так хорошо и уютно было в затишьи двора, что и говорить ни о чем не хотелось.

Галка от холода вскоре запереступала с ноги на ногу, и я, заметив это, неожиданно для себя поднял и посадил ее на перекладину прислоненной к стене чердачной лестницы. От такой моей прыти Галка смутилась.

— Зачем ты? — тихо сказала она, уже сидя на лестнице.

И я понял, по голосу Галки понял, что «выходка» моя ей приятна.

— Ты же устала!

И как только громко сказал я, в будке под хлебом проснулась на чужой голос собака. Отозвалась истощным захлебным лаем.

Галка прыгнула с лестницы и устремилась к будке: она боялась, что лай разбудит домашних и те выйдут во двор. Я пошел следом.

— Шарик, Шарик! Успокойся! Ляг иди... — уговаривала она рвущегося ко мне пса, ярость которого была непонятной: ничего худого я Галке не причинял.

Шарик же лаял.

— Спрячься от него, — посоветовала Галка, когда я приблизился к будке, чтобы как-то попробовать подружиться с Шариком.

Я отошел за угол дома на прежнее место. Уняв наконец пса, Галка вернулась. Я опять посадил ее на перекладину и взялся тереть сквозь варежки Галкины руки, разводить и хлопать ими одна об одну. Но делал я это негромко, помня о потревоженном Шарике. Галка молча поглядывала на меня. Все-таки молодец я, что пошел провожать ее в сырую метельную полночь, да еще к самому дому.

Не знаю, кому из нас эта встреча была нужнее: Галке ли, занятой от темна до темна на ферме, или мне, очутившемуся на родине в отпуске и терявшему голову от присутствия девушки? Вероятно, обоим. И оба мы одинаково ей радовались. И оба не спешили расстаться: как знать, что впереди ждало каждого из нас?..

Я держал Галкины руки, в то время как сама она оставалась на ступеньках лестницы. Сидела, не придерживаясь, и лестница от шевеления Галки чуть покряхтывала. На какой-то миг я отпустил ее руки. Без опоры и равновесия Галка качнулась вперед и ухватилась испуганно за мои плечи.

Лицо ее оказалось рядом с моим, и так близко, что мы даже стукнулись лбами, и я, забывая обо всем, поцеловал Галку в щеку.

— Ты что? — изумилась она. — С ума сошел!

— Да как-то нечаянно... — оправдывался я. — Самой собой...

Вслед за моими словами пугающе загремела у будки цепь. Разнесся остервенелый собачий лай. Шарик точно досадовал, что я не ушел, что так легко и просто обманули его собачье чутье, мешали спать, вынуждая то и дело вылезать из нагретой будки.

Опять Галка унимала Шарика. Опять уговаривала и возилась с ним. В конце концов она успокоила пса и на этот раз. Но теперь говорили мы только шепотом. И как только забывался я и заговаривал громче, из будки сразу же доносилось собачье рычание. Мы снова затаивались, снова слышалось лишь наше дыхание.

— Знаешь, Петро, у меня ноги озябли, — шепнула Галка. — Пойду носки в печурке возьму. И варежки заодно погрею. Подождешь?

— Подожду.

Галка была в худоватых сапожках, в них она и танцевала в клубе. Почти бегом она побежала переобуваться в дом. Я тихо ждал во дворе и прикидывал, сколько мы еще простои́м и как быть и вести себя дальше. . .

Когда Галка вернулась, вслед за ней на снежном крыльце грузно заскрипели чьи-то шаги: Шарик все-таки вынудил кого-то подняться с постели.

То была Галкина мать в наскоро накинута́м на плечи полушубке.

— Кого тут ночью носит? — спросила она, вглядываясь с крыльца.

Мы молчали.

— Галка, ты, что ли? — повторила она.

И Галка нехотя подтвердила, что во дворе действительно она.

— А кто это с тобой? — продолжала допытываться мать.

— Да никто. . .

— На кого же брешет собака?

— На меня. . .

— Что-то раньше не лаяла. Ну смотри, опять на ферму проспишь, — проворчала мать.

— Не просплю. Сама встану.

Любопытство матери немало смутило нас. Интересовалась мать, конечно, нарочно, сразу узнав, что во дворе нахожусь именно я, сосед их. Из служивших в армии только я один и был в это время в отпуске, и по шинели было нетрудно разглядеть и узнать меня. И это притворство, и то, что мать вышла и теперь медлила возвращаться, раздражали и меня, и Галку.

— Шли бы в дом, — сжалась над нами, предложила Галкина мать. — Простынете во дворе.

Я стоял подле Галки молча, не отзывался, опасаясь встревожить собаку. В доме спало целое семейство, и делать там было нечего.

— Зайдем скоро, — ответила Галка, желая, чтобы мать ушла. — Не закрывай.

Мать скрылась за дверь. Собака молчала. И мы опять были вдвоем. Я смелел все решительнее и настойчивее. Галка всячески сопротивлялась, отталкивала, но я обхватил за ее спиной лестницу и принялся целовать Галку.

И в этот-то момент произошло самое неожиданное.

Под моими руками, да от двойной еще нашей тяжести лестница неожиданно затрещала, закрипела, а затем звучно переломилась, и Галка, а с ней и я рухнули разом в снег под стену дома. Верхняя половина лестницы вдобавок больно ударила меня по спине. Но и это было еще не все.

Падая, Галка испуганно закричала. Она была подомной, и это удвоило ее страх и испуг. На крик хозяйки рванулась собака. Не успел я опомниться и встать на ноги, как остервенелый Шарик уже рвал и кусал мои сапоги.

Звения и мотая оборванной цепью, он решил всерьез не только проучить, но и разделаться со мной. Злобный рык его и дыхание слышались рядом с моим лицом. Я двинул Шарика ногой, и так удачно, что, скуля и визжа, он откатился в сторону, я, не теряя времени, вскочил мигом на ноги и помог подняться перепуганной Галке.

Но и Шарик не дремал. Разозленный и взбешенный, он полагал, что я чем-то серьезно обидел хозяйку и его долг немедленно за нее вступить.

Он схватил с новой силой сзади полу моей шинели и мгновенно дернул ее на себя. И перешитая моя перед отпуском шинель затрещала, как натянутая палатка. Наверное, Шарик раскроил бы ее до самых плеч, но спас хлястик. Спас меня от полного позора и поражения.

От холода ли, от досады ли, я ощутил морозный озноб. И с ужасом уяснил себе: какую же небывалую месть мне уготовил соседский пес. Худшего и не придумаешь перед отъездом.

Я метнулся к изгороди за палкой. Мигом выдернул ее и устремился к Шарiku. Но пес, видно сообразив, что наказал меня предостаточно, удовлетворенно потрусил, волоча цепь, к будке. И сразу забился там в задний угол, полагая, что сполна проучил и допек меня.

В окнах дома вспыхнул свет. Скрипнули двери, и на пороге с ухватом в руке возникла Галкина мать. Теперь она заговорила уже решительнее:

— Да что тут творится сегодня? Галка, я тебя спрашиваю?! — И мать грозно подступила к нам.

Ушибленная и не на шутку напуганная, Галка лишь всхлипывала.

— Иди в дом сейчас же! — приказала мать.

Галка скрылась покорно в сенях.

— А с тобой мы поговорим еще! — бросила мне Галкина мать, направляясь к крыльцу.

Остаться больше в их дворе я не решился, да и нужды не было. Бросив выдернутую из плетня палку и собрав сзади полы шинели, я поплелся с соседнего двора к своему.

* * *

В магазине днем, куда я побежал за сладостями, чтобы отметить проводы, меня увидела Галкина мать:

— Пойди-ка сюда, солдатик. Пойди, пойди. . .

Я приблизился, одетый в отцовский кожаный.

— Лестницу принесешь! Свою! И сегодня же! — командирски приказала Галкина мать и пошла как ни в чем не бывало.

И я понял, что о поломанной лестнице и моем позоре узнает теперь вся деревня.

Так оно после и вышло.

Я пообещал и, конечно, принес лестницу. Но сделанную не мною, а отцовскими руками, стоявшую у нашего дома для лазания на чердак. Я тащил лестницу не улицей, а по заваленному снегом огороду, прямо по сугробам — подальше от любопытных глаз. Напишу в письме, прямо с дороги, отец поймет, рассуждал я.

Отнеся лестницу, я взялся чинить шинель: до отъезда оставались считанные часы. Починить ее надо было так, чтобы ни один патруль не придрался, чтоб никто не заметил, провожая меня, и чтобы мог дослужить я в своей шинели до конца срока. Я колот иглой пальцы и сокрушался, что не смог, не сумел, как другие, провести отпуск без приключений и пересудов.

* * *

Все стою я и разглядываю обильно заросшее место бывшего Галкиного дома. Ладонью трогаю давно остывшую печь. И как бы мысленно говорю ей: «Спасибо, печь,

что в сырые метели грела ты варежки и носки для Галки».

Поздней осенью замечаешь иной раз в сквозящих осенних сучьях опустелые птичьи гнезда. Сиротливо темнеют они после лета, покинутые выросшими птенцами. И если птиц вблизи дома не трогали, если их не пугали, весной они вновь вернутся, подновят покинутое жилье и поселятся.

У людей по-другому. В свой дом люди возвращаются реже птиц. Братья и сестры Галки выросли и разъехались. Уехала в город и сама Галка. Мать продала дом и перебралась к детям. На усадьбе остались печь, березы и яблони, устало хранящие ее запустение и тоску о парнях и девчонках, которым и тесно и привольно было в родных подворьях.

Вблизи разрушенного фундамента попались обломки чердачной лестницы, той самой, которую уволок я по сугробам от своего дома. Я так и не сказал тогда ничего в письме отцу, вспомнив, что о лестнице Галкина мать заговорила со мной не где-нибудь, а в магазине — прямо на людях. Все равно отец узнает обо всем раньше письма. И все поймет.

Еще раз оглядываюсь я, покидая былую усадьбу: среди зелени и бурьяна прощально красуются мальвы. Все лето простояли они нетронутыми. Никто не коснулся, не сорвал их: это были не просто цветы с легким названием. Они считались теперь цветами памяти, трогать и рвать их в народе не принято.

КОНВЕРТ СО СТЕКЛАМИ

Доцент Загонов ехал объясняться с женой. Вез ей в кармане только что полученный официальный ответ. Он ждал его с осени. Зима кончалась, а Загонову казалось, что все еще длится сырая осень, когда он только что сошел на Курском вокзале с южного поезда с желанием скорее принять теплый душ, попить чаю, расслабиться после душного вагона в привычной домашней обстановке. Летом Загонов принимал в институте вступительные экзамены и отпуск использовал осенью.

Все затем происшедшее вспоминалось ему до мельчайших подробностей.

Зубчатым плоским ключом открыл он свою квартиру и изумленно застыл в прихожей, услышав под ногами хруст стекольного крошева. Забыв про чемодан, оставшийся за дверью, Загонов недоуменно стоял, не понимая, откуда бы стеклу взяться. Он хорошо помнил, что квартиру в день отъезда оставлял убранной. Толкнув в жилую комнату дверь, он заранее настроился на погром и пустые книжные полки, где стоял и недавно изданный учебник с его статьей.

Но здесь недоумение лишь усилилось: комната и библиотека выглядели нетронутыми. Он внес чемодан в прихожую, вынул с наружной стороны ключ и, несколько успокоясь, разделся.

Дальше предстояло осматривать кухню. В ней Загонов окончательно огорчился. В кухне нельзя было ни ступить, ни сесть. Мелкое битое стекло, какое бывает обычно после автомобильных катастроф и дорожных аварий, усеянно лежало на всем.

С вонзающим неприятным звуком стекла скрипели при каждом, даже малейшем, шаге. Загонов взглянул на верхнюю часть окна. В ней зияла дыра с потемнелыми оплавленными краями, будто без него влетала в кухню шаровая молния.

В растерянности Загонов позвонил товарищу и расказал о беде.

— Ищи пулю, — неуверенно посоветовал друг. — Стекло-то навывлет?

— Насквозь. Двойное. . .

— Ищи пулю. Смотри в стене, в дверном косяке, пошарь по полу, там она где-то! А потом мне звони.

— Ладно.

Для начала Загонов решил расспросить лифтеров, как правило знавших в доме все происшествия.

— У вас что-нибудь случилось?

— В окно выстрелили.

— Да вы что? В милицию-то сообщили?

— Собираюсь.

— Звоните немедленно.

Пулю он нашел скоро: серый свинцовый комочек меж стеклами в нижней части фрамуги наподобие отрубленного куска толстой проволоки. Трогать пулю Загонов не стал. Теперь он мог с уверенностью беспокоить и местное отделение.

— Дежурный слушает.

— Понимаете, какое дело. . . — путаясь и волнуясь,

заговорил Загонов. — Только что вернулся из отпуска, а в окне — пулевое отверстие. . .

Загонов назвал дежурному адрес и задумался. Вставлять стекло — ладно бы, а если опять выстрелят? Немало огорчало и то, что пальнули из дома напротив, который он не однажды разглядывал из-за музыки, оглушающе ревелившей оттуда в теплое время. Эта музыка разносилась из дома напротив целое лето. Кто-то в доме незаметно выставлял на балконе стереодинамик и, прячась в квартире, ожидал, когда кончится магнитофонная лента. Музыка своим неистовым иступлением донимала жильцов, выводила из себя. Но на удивление никто почему-то не пресекал воинствующего поклонника модных ансамблей. С холодами музыка прекратилась. И никогда так и не увидел Загонов того, кто включал ее. Он чуждался оглушающих звуков и, не скрывая, откровенно не любил их. Порой из-за них он спорил с женой, убеждавшей его терпимее относиться к слабостям молодежи. Загонов вроде и соглашался, но тут же добавлял, что свою музыку он не понесет ни в лес, ни в общественный транспорт и вообще никому не навяжет и что из достоинства звуков вытекают часто и сами поступки. Этим обычно гасился спор, без серьезных со стороны жены возражений. . .

Он оставался в квартире один: не ел, не выходил, не распаковывал чемодан — ожидал экспертов. В доме напротив мерцали отсветы телевизоров, резвились дети, читались книги, у него же на кухне сквозило отверстие и густо блестело всюду рассыпанное стекло.

Загонов решил позвонить вторично.

— Что вы волнуетесь? Ждите.

— Скоро ночь, потому и волнуюсь.

— К вам придет участковый инспектор. Мы сообщили ему.

— И как скоро он будет?

— Как освободится.

Безразличный ответ подлил только масла в огонь. Медленно и упрямо закипело негодование. Происшествие вроде как примут к сведению. К тому же экспертов посылать, похоже, не будут. И одно за другим у Загонова ворохнулись предположения: либо стрельба по окнам — обыкновенный, рядовой для милиции случай, либо его, Загонова, сочли за человека с причудами. Любое из предположений не давало успокоений.

Возмутился не меньше Загонова и товарищ.

— Черт знает что! — говорил он раздраженно по телефону. — Потенциальный преступник на свободе, и никого это не волнует. Набери ноль два и попроси дежурного по Петровке, тридцать восемь. А потом сообщи мне.

Загонов внял дружескому совету.

— Дежурный по городу Панфилов слушает!

Пришлось рассказывать все сначала.

Загонов объяснил, что когда-то служил в армии, теперь же офицер запаса и в стрелковом оружии как-нибудь разбирается. И неужели в конце концов придется обращаться к министру?

— Вас как звать?

— Владимир Иванович.

— Так вот, Владимир Иванович, не забывайте, что вы звоните на Петровку.

В трубке зазвучали четкие распоряжения. Рассказ о пультке, похоже, подействовал.

— Ждите прибытия оперативной группы, — пообещал дежурный облегченно вздохнувшему Загонову.

А минут через десять в дверь и впрямь позвонили. На пороге возник лейтенант в шинели и с висевшим на боку переговорным устройством. От непрерывных переключек устройство без умолку трещало, и лейтенант выключил его. Загонов провел лейтенанта на кухню. Веснушчатое, с рыжими, словно бы подпаленными, ресницами, лицо лейтенанта вмиг посерьезнело при виде дыры в окне и осколков. Он подтвердил кому-то, что в окно действительно выстрелили, и, всего вероятней, из малокалиберки. . .

Загонов предложил лейтенанту чаю, но тот, смутясь, отказался, и оба не знали, о чем говорить. Попеременно поглядывали на соседний дом. Он смотрелся буднично. А между тем комочек свинца в несколько граммов сплюсненно лежал промеж двойных стекол.

Впервые Загонов не на шутку встревожился, что отпустил жену в зарубежную трехмесячную командировку. Окажись он в момент выстрела за кухонным столом, не встать бы ему из-за этого стола. Встать-то, может, еще и встал бы, но уж незрячим сделался бы непременно. И с окровавленным лицом тыкался бы на ощупь в стены, ища дверь и зовя соседей.

Лейтенант думал меж тем свое. Видел схватку с вооруженным бандитом, выбитый, выпавший из рук пистолет и яростную борьбу с обезвреженным им преступни-

ком. А спустя время — опубликованный в газетах указ о награждении орденом за задержание особо опасного, давно разыскиваемого рецидивиста, а там и присвоение очередного звания и само собой разумеющееся служебное повышение.

Причины, повлекшие выстрел, прикидывались разные. Не исключал Загонов и чью-то месть, но за что — терялся в догадках. В августе на приемных экзаменах он поставил нескольким абитуриентам двойки. Сдавали из разных мест, провалились тогда и несколько москвичей. Один, кажется, жил даже возле метро неподалеку от Загонова, но где — на экзаменах не запомнилось. В отместку, конечно, мог и выстрелить, однако говорить понапрасну Загонов не решался.

Он принял вместо этого рассуждать о музыкальных автоматах и современной музыке из-за рубежа, по его убеждению, не всегда способствующей развитию у людей доброты, гуманности, эстетичности.

— Взять хотя бы кафе, где обедаю. И не только в нем, а практически в каждом установлены музыкальные автоматы. . .

Лейтенант кивнул, соглашаясь.

— А получается-то что? — развивал свою мысль Загонов. — Ведь глотку надорвешь, осипнешь, пока за столом слово соседу скажешь. Какая-то колонизация досуга модными ансамблями, будто на другой материк попал, где невозможно жить без насаждаемого истеричного воя. Свою же музыку, наоборот, за рубеж увозим. Не для заграницы же она создавалась?

— Нет, конечно! — Лейтенант добавил, что увлечение так называемыми дискотеками пошло, на его взгляд, на убыль.

— Дай-то бог, все же раньше бы об этом кому-то подумать, — рассудил Загонов, хорошо зная молодежные увлечения и студенческие проблемы. — Сколько на моей памяти покалеченных, а то и загубленных душ этой музыкой! — вырвалось у него с невольной досадой, болью, огорчением. — Да, да, не удивляйтесь. Как педагог я достаточно думал об этом, — пояснил он изумленно глядевшему на него лейтенанту — с заинтересованностью и любопытством.

В коридоре послышался частый топот, покашливание, голоса, и Загонов догадливо поторопился к двери. Поначалу даже трудно было запомнить в отдельности каждого. Первыми вошли двое в штатском, за ними — капитан